

Лето, прощай

Автор:

Рэй Брэдбери

Лето, прощай

Рэй Дуглас Брэдбери

Гринтаунский цикл #2

Все прекрасно знают «Вино из одуванчиков» – классическое произведение Рэя Брэдбери, вошедшее в золотой фонд мировой литературы. А его продолжение пришлось ждать полвека!

Свое начало роман «Лето, прощай» берет в том же 1957 году, когда представленное в издательство «Вино из одуванчиков» показалось редактору слишком длинным и тот попросил Брэдбери убрать заключительную часть. Пятьдесят лет этот «хвост» жил своей жизнью, развивался и переписывался, пока не вырос в полноценный роман, который вы держите в руках.

Рэй Брэдбери

Лето, прощай

С любовью – Джону Хаффу,

который живет и здравствует спустя годы после «Вина из одуванчиков»

I. Почти Антиетам

Глава 1

[1 - Антиетам – город, при котором произошло известное сражение в сентябре 1862 г., когда северяне потеряли двенадцать тысяч солдат, а южане – более девяти тысяч и вынуждены были отступить за реку Потомак.]

Иные дни похожи на вдох: Земля наберет побольше воздуха и замирает – ждет, что будет дальше. А лето не кончается, и все тут.

В такую пору на обочинах буйствуют цветы, да не простые: заденешь стебель, и окатит тебя ржавый осенний дождик. Тропинки, все подряд, словно бороздил колесами старый бродячий цирк, теряя разболтанные гайки. Рассыпалась после него ржавчина под деревьями, на речных берегах и, конечно, у железной дороги, где раньше бегали локомотивы; правда, очень давно. Нынче эти рельсы, обросшие пестрой чешуей, томились на границе осени.

– Глянь-ка, Дуг, – заговорил дед, когда они возвращались в город с фермы.

У них в кузове фургона лежали здоровенные тыквы, числом шесть штук, только-только снятые с грядки.

– Видишь цветы?

– Да, сэр.

– «Прощай-лето», Дуг. Такое у них название. Чуешь, какой воздух? Август пришел. Прощай, лето.

– Ничего себе, – сказал Дуг, – тоскливое у них название.

По пути в буфетную бабушка определила, что ветер дует с запада. Из квашни вылезала опара, будто внушительная голова инопланетянина, отъевшегося на урожае прошлых лет. Приподняв на ней шапочку-холстинку, бабушка потрогала

эту гору. Такой была земля в то утро, когда на нее сошел Адам. То утро сменило собою ночь, когда Ева соединилась с незнакомцем на ложе в райских кущах.

Из окошка было видно, как в саду отдыхает солнечный свет, тронувший яблони золотом, и бабушка проговорила точь-в-точь те же слова:

– Прощай, лето. Октябрь на дворе, первое число. А на градуснике – восемьдесят два[2 - 82 °F = 28 °C]. Не уходит летняя пора. Собаки под деревьями прячутся. Листва зеленеет. И плакать охота, и смеяться. Сбегай-ка ты на чердак, Дуг, да выпусти из потайного чулана дурковатую старую деву.

– Разве у нас на чердаке живет дурковатая старая дева? – изумился Дуг.

– У нас – нет, но ты уж сбегай, раз так заведено.

Над лужайкой поплыли облака. А когда опять выглянуло солнце, бабушка у себя в буфетной еле слышно шепнула:

– Лето, прощай.

На веранде Дуг помедлил рядом с дедом, надеясь впитать хоть немного его зоркости, чтобы так же смотреть сквозь холмы, и немного печали, и немного первозданной радости. Но впитал только запах трубочного табака да одеколона «Тигр». В груди закружился волчок: то темная полоса, то светлая, то смешинка в рот попадет, то соленая влага затуманит глаза.

Дуг осмотрел сверху озерцо травы, уже без единого одуванчика, пригляделся к ржавым отметинам на деревьях, втянул запах Египта, прилетевший из дальних восточных краев.

– Надо пончик съесть да поспать чуток, – решил Дуг.

Как был, с усами из сахарной пудры, Дуг раскинулся на кровати в летнем флигеле, готовый погрузиться в дрему, которая уже витала в голове и заботливо укрывала его темнотой.

Где-то вдалеке заиграл оркестр: приглушенные расстоянием духовые и ударные выводили под сурдинку незнакомый тягучий мотив.

Дуг прислушался.

Вроде как трубачи с барабанщиками выбрались из пещеры на яркий солнечный свет. Невидимая стая растревоженных дроздов взмыла в небо и повела партию пикколо.

– Праздничное шествие! – ахнул Дуг и выпрыгнул из кровати, стряхивая остатки дремоты вместе с сахарной пудрой.

Музыка звучала все громче, протяжней и глубже; грозовой тучей, чреватой молниями, опускалась на темнеющие крыши.

Подскочив к окну, Дуглас глядел во все глаза.

И было на что посмотреть: на лужайке, с тромбоном в руках, вытянулся его одноклассник и закадычный друг Чарли Вудмен; другой парнишка, Уилл Арно, приятель Чарли, поднимал кверху трубу, а городской парикмахер, мистер Уайнески, стоял с тубой, словно обвитый кольцами удава, и еще... стоп!

Развернувшись, Дуглас побежал через опустевшие комнаты.

И остановился на крыльце.

В числе музыкантов оказались и дед с валторной, и бабушка с бубном, и братишка Том с дудкой.

Все радостно галдели, все смеялись.

– Эй! – прокричал Дуг. – Какой сегодня день?

- Вот так раз! - прокричала в ответ бабушка. - Сегодня твой день, Дуг.

- Ближе к ночи будет фейерверк, а сейчас - прогулка на пароходе!

- Мы отправляемся на пикник?

- Точнее сказать, в путешествие. - Мистер Уайнески поглубже нахлобучил соломенную шляпу цвета кукурузных хлопьев. - Вот послушай!

С дальнего берега озера плыл протяжный гудок парохода.

- Шагом марш!

Бабушка ударила в бубен, Том заиграл на дудке, и пестрая толпа, в сопровождении целой своры заливающихся лаем собак, увлекла Дуга по улице. В центре города кто-то забрался на крышу гринтаунской гостиницы и раскурочил телефонный справочник. Но когда желтое конфетти опустилось на мостовую, процессия была уже далеко.

Над озерной водой собиралась дымка.

Вдалеке безутешно стонал туманный горн.

Показавшийся из тумана белоснежный пароход ткнулся бортом в причал.

Дуг не сводил с него глаз.

- Почему корабль без названия?

Завыл пароходный гудок. В толпе началось движение: Дугласа подталкивали к сходням.

- Ты первый, Дуг!

Тонна меди и десять фунтов палочек дружно грянули «Ведь он достойнейший малый»; люди водрузили Дугласа на палубу, а сами спрыгнули на причал.

Бам!

Это рухнули сходни.

Кто был на берегу, тот не попался в ловушку, вовсе нет.

Зато он попался в ловушку на воде.

Пароход, гудя, отчаливал от пристани. Оркестр заиграл «Колумбия, жемчужина морей».

– До свидания, Дуглас! – кричали городские библиотекари.

– Счастливо, – шелестела толпа.

При виде расставленных на палубе корзин со снедью Дугласу вспомнилось, как он раз ходил в музей и видел там египетскую гробницу, где была вырезанная из дерева ладья, а в ней – игрушки и сухие комочки фруктов. Воспоминание сверкнуло пороховой вспышкой.

– Счастливо, Дуг, счастливо... – Женщины вытащили платочки, мужчины замахали соломенными шляпами.

Вскоре корабль уже разрезал холодные воды, туман окутал его целиком, и оркестр как-то растворился.

– В добрый час, парень.

И тут до него дошло: обыщи хоть все закутки – не найдешь ни капитана, ни матросов, хотя в машинном отделении рокочет двигатель. Замерев на месте, он вдруг подумал, что можно перегнуться через борт в носовой части, а там рука сама нащупает выведенное свежей краской имя корабля:

«ПРОЩАЙ-ЛЕТО»

– Дуг... – звали голоса. – Ах, до свидания... Ох, счастливо...

А потом пристань опустела, процессия скрылась вдали, пароход дал прощальный гудок и разбил Дугласу сердце: оно брызнуло слезами у него из глаз, и он стал звать родных и близких, оставшихся на берегу.

– Бабушка, дедушка, Том, на помощь!

Покрывшись холодным потом, Дуг залился горячими слезами – и упал с кровати.

Глава 3

Дуг успокоился.

Поднявшись с пола, он приблизился к зеркалу, чтобы посмотреть, как выглядит грусть, а она тут как тут, залила ему щеки краской, и тогда он, протянув руку, пощупал то, другое лицо, и было оно холодным.

В доме повеяло вкусным вечерним запахом свежих пирогов. Дуг побежал через сад на кухню и не пропустил тот момент, когда бабушка вытаскивала из курицы диковинные потроха; потом он выглянул в окно и увидел, как братишка Том залезает на свое любимое дерево, чтобы добраться до неба.

А кое-кто стоял на крыльце и попыхивал своей любимой трубкой.

– Дедушка, ты здесь! Фу ты, ох, надо же! И дом на месте! И город!

– Сдается мне, и ты здесь, парень.

– Ага, точно, да.

Деревья оперлись тенями на лужайку. Где-то стрекотала запоздалая газонокосилка: она подравнивала бывшее, оставляя за собой аккуратные холмики.

- Деда, вот скажи...

Тут Дуглас зажмурился и договорил уже в темноте.

- Смерть - это когда уплываешь на корабле, а вся родня остается на берегу?

Дедушка сверился с облаками.

- Вроде того, Дуг. А с чего ты вдруг спросил?

Дуглас проводил глазами удивительное облако, которое никогда еще не принимало подобных очертаний и никогда больше не станет прежним.

- Говори, дедушка.

- Что говорить-то? Прощай, лето?

Нет, беззвучно закричал Дуглас, этого не надо!

И тут у него в голове поднялся ураган.

Глава 4

Страшной силы железный грохот, да еще с присвистом, кромсал небо ножом гильотины. Удар. Город содрогнулся. Но на самом деле это просто налетел северный ветер.

На дне оврага мальчишки дожидались новой атаки.

Заняв позицию вдоль ручья, они дружно и весело справляли малую нужду под холодными лучами солнца; был здесь и Дуглас. Каждому хотелось запечатлеть свое имя на песке горячей лимонной стружкой. ЧАРЛИ, вывел первый. УИЛЛ, второй. А потом пошло: БО, ПИТ, СЭМ, ГЕНРИ, РАЛЬФ, ТОМ.

Дуглас ограничился своими инициалами, украсив их парой завитушек, но вслед за тем поднатужился и добавил: ВОЙНА.

Том прищурился:

– Чего это?

– Война, как видишь, дурила. Война!

– А с кем?

Дуглас Сполдинг пробежал глазами по зеленым склонам необъятного секретного оврага.

И тут в четырех обветшалых, давно не крашенных особняках заводными игрушками возникли четверо стариков, слепленных из плесени и пожелтевшей сухой лозы: они, как мумии из гробов, таращились кто с крыльца, кто из окна.

– С ними, – прошипел Дуг. – Вот они, враги!

Крутанувшись на месте, Дуг скомандовал:

– В атаку!

– Кого убивать-то? – спросил Том.

Глава 5

Из окна сухой мансарды серого от времени дома, что над зеленым оврагом, свесился, как чердачный хлам, трясущийся старикан Брейлинг. Внизу сновали мальчишки.

– Боже милостивый, – воскликнул он, – сделай так, чтобы прекратился этот дикий гогот!

Слабыми руками он схватился за грудь, как поступает швейцарский часовщик, когда заговаривает тонкий механизм особым заклинанием, сродни молитве.

По ночам, страшась остановки сердца, он ставил у изголовья метроном, чтобы пульсация крови не прекратилась, пока он спит.

На крыльце зашаркали чьи-то шаги, сопровождаемые стуком трости. Не иначе как сюда пожаловал старый Келвин Си Квотермейн, чтобы устроиться в шершавом плетеном кресле и обсудить политику школьного попечительского совета. Брейлинг чуть не кубарем скатился с лестницы и выскочил на крыльцо.

– Квотермейн!

Келвин Си Квотермейн опустился на тростниковое сиденье, как негнущийся игрушечный робот, непомерно большой и насквозь ржавый.

Брейлинг хохотнул:

– А ведь я добился своего!

– Надолго ли? – усомнился Квотермейн.

– Черт-те что, – вздохнул Брейлинг. – Того и гляди, впихнут нас в коробку из-под сухофруктов да закопают. Одному богу известно, что им взбредет в голову, этим негодникам.

– Совсем распоясались. Ты только послушай!

– Бабах!

Это мимо крыльца пронесся Дуг.

– Не смей топтать лужайку! – заголосил Брейлинг.

Дуг развернулся и прицелился из капсульного пистолета.

- Бабах!

Побледневший, с перекошенной физиономией, Брейлинг выкрикнул:

- Мазила!

- Бабах! – Дуглас запрыгнул на ступеньки.

В глазах Брейлинга он увидел две испуганные луны.

- Бабах! Рука прострелена!

- Рука не считается! – фыркнул Брейлинг.

- Бабах! Прямо в сердце!

- Как ты сказал?

- Прямо в сердце – бабах!

- Спокойно... Раз-два! – зашептал старик.

- Бабах!

- Раз-два. – Брейлинг давал команду своим рукам, сжимающим ребра. – Господи! Метроном!

- Чего?

- Метроном!

- Бабах! Наповал!

– Раз-два, – выдавил Брейлинг.

И упал замертво.

Дуглас отпрянул и, пересчитав ступеньки, грохнулся на сухую траву, однако не выпустил из рук капсюльный пистолет.

Глава 6

Часы сменяли друг друга снежно-холодными всполохами, а в особняке Брейлинга металась люди, надеясь, вопреки здравому смыслу, лицезреть воскрешение Лазаря.

Келвин Си Квотермейн, словно капитан тонущего корабля, не уходил с крыльца.

– Черт побери! Я своими глазами видел у мальчишки пистолет!

– Пулевых ранений не обнаружено, – заявил вызванный соседями доктор Либер.

– Застрелили! Насмерть!

В доме воцарилась тишина: соседи помогли вынести безжизненную оболочку бедняги Брейлинга и разошлись. Келвин Си Квотермейн, брызгая слюной, сошел с крыльца последним.

– Богом клянусь разыскать убийцу!

Опираясь на трость, он поковылял за угол.

Крик, удар!

– Нет, ради бога, нет! – Какая-то сила подбросила его в воздух и швырнула оземь.

Соседки, отдохавшие неподалеку в креслах-качалках, вытянули шеи.

- А ведь это почтенный Квотермейн, верно?

- Неужто и этому пришел конец... мыслимое ли дело?

У Квотермейна дрогнули веки.

Вдалеке он заметил мальчишку, который удирал на велосипеде.

Убийца, пронеслось у него в голове. Убийца!

Глава 7

Если Дуглас плелся нога за ногу, его мысли неслись как угорелые; если он сам несся как угорелый, мысли плелись еле-еле. Сейчас дома расступались; небо полыхало.

На краю оврага он размахнулся и выбросил пистолет. Поток тут же смыл все следы. Эхо замерло.

И тут пистолет срочно понадобился ему вновь, чтобы потрогать грани убийства, как можно было потрогать того злющего старика.

Скатившись в овраг, Дуглас ринулся сквозь бурьян и, чуть не плача, отыскал свое оружие. От него пахло порохом, огнем и тьмой.

- Бабах, - прошептал Дуг и поспешил вверх по склону, туда, где бросил велосипед - через дорогу от места убийства старика Брейлинга.

Сначала он отвел велосипед подальше, как слепого коня, а потом оседлал его и покатил вокруг квартала, влекомый к тому же месту жестокого убийства.

Заворачивая за угол, он услышал крики: «Нет! Нет!» – это его велосипед сбил нелепое пугало, которое рухнуло на дорогу; тогда он с воем нажал на педали и через плечо оглянулся на новую жертву. Чей-то голос вопрошал:

– А ведь это почтенный Квотермейн, верно?!

– Не может быть, – простонал Дуг.

Брейлинг упал. Упал и Квотермейн. Стук-стук, два длинных топорика тюкнулись носом – один в крыльцо, другой в дорожную обочину, застыли и больше уже не поднимутся.

Дуг гнал велосипед по городским улицам. Преследования не было.

Похоже, город и не догадывался, что одного из жителей только что застрелили, а другого покалечили. Город пил чай и мурлыкал: «Передай сахарницу».

У своего крыльца Дуг резко тормознул. Не иначе как мама заливается слезами, а отец уже налаживает бритву...

Он распахнул кухонную дверь.

– Ага, явился не запылится. – Мать чмокнула его в лоб. – Appetit нагулял – и тут как тут.

– Странно, – сказал Дуг. – Почему-то аппетита совершенно нет.

Глава 8

За ужином вся семья услышала, как в дверь с улицы полетели камешки.

– Вот интересно, – сказала мать, – мальчишки понимают, для чего существует звонок?

- За последние два столетия, - вступил отец, - не отмечено ни одного случая, чтобы юноша в возрасте до пятнадцати лет подходил к дверному звонку ближе чем на десять футов. Вы поели, молодой человек?

- Так точно, сэр.

Дуглас, как артиллерийский снаряд, вышиб входную дверь, затянутую сеткой от мошкеры, прокатился по полу и прыгнул назад, успев придержать створку, пока она не грохнула. Только после этого он соскочил с крыльца на лужайку, где уже истомился Чарли Вудмен, встретивший его ощутимыми дружескими тычками.

- Дуг! Как сказал, так и сделал! Брейлинга пристрелил! Силен!

- Тише ты, Чарли!

- А когда расстреляем попечительский совет? Прикинь, до чего дошли: в этом году каникулы на неделю урезали! За такое убить мало! Расскажи, как ты это провернул, Дуг?

- Просто крикнул: «Бабах! Наповал!»

- И Квотермейна - так же?!

- Квотермейна?

- Ты ему ногу сломал! Везде поспел, Дуг!

- Никому я ногу не ломал. Это мой велик...

- Нет, машина какая-то! Я сам слышал, как старикашка Кел орал, когда его волокли домой: «Адская машина!» Что еще за адская машина, Дуг?

Мысленным взором Дуглас увидел, как велосипед на полном ходу врезается в Квотермейна и подбрасывает его в воздух, а он, Дуглас, дает деру под старческие вопли.

- Дуг, а почему ты ему обе ноги не переломал, раз уж обзавелся адской машиной?

- Чего?

- Покажешь, как это делается, Дуг? А можно твою машину настроить так, чтоб она кромсала на тысячу кусочков?

Дуг взгляделся в лицо Чарли, заподозрив насмешку, но физиономия приятеля была чиста, как церковный алтарь, озаренный святым духом.

- Дуг, - захлебывался он, - ну, Дуг, ты - супер!

- Ясное дело, - согласился Дуглас, потеплев перед этим алтарем. - Квотермейн попер на меня, я попер на него и на гадский попечительский совет, а после доберусь и до городских заправил: до мистера Блика, до мистера Грея и всех этих тупых стариков, которые обсели наш овраг.

- А поглядеть-то можно, как ты будешь их давить?

- Что? Ну да, конечно. Только прежде нужно все спланировать, сколотить армию.

- Прямо сегодня, Дуг?

- Завтра...

- Нет, давай сегодня! Хоть умри! Ты будешь капитаном.

- Генералом!

- Ладно, будь по-твоему. Сейчас наших соберу. Пусть услышат своими ушами! Встречаемся у моста через овраг, ровно в восемь! Ну, дела!

- Под окнами не ори, - напомнил Дуг. - Каждому оставь на крыльце тайное сообщение. Это приказ!

– Понял!

Чарли с гиканьем умчался прочь. Дуглас почувствовал, как его сердце тонет в тепле запоздалого лета. У него в голове, в мускулах и кулаках зрела власть. Столько всего за один день! Был заурядный троечник, а теперь – генерал!

Так, кому тут сломать ногу? Кому заткнуть метроном? Он судорожно глотал летний воздух.

Все огненно-розовые окна умирающего дня смотрели на этого супербандита, который вышагивал в их ослепительном свете, с суровой улыбкой двигаясь навстречу фортуне, навстречу восьми часам, навстречу сбору великой Гринтаунской конфедерации и всем тем, кто поет у костра: «Станем лагерем, ребята, разобьем палатки...»

Эту песню, решил он, мы споем трижды.

Глава 9

На чердаке Дуг с Томом устроили штаб. Из перевернутого ящика получился генеральский стол; адъютант стоял навтыжку, ожидая приказов.

– Бери блокнот, Том.

– Есть.

– Карандаш «Тайкондерога»?

– Есть.

– Мною утвержден личный состав Великой армии Республики[3 - Великая армия Республики – организация ветеранов-юнионистов, учреждена после окончания войны Севера и Юга в 1866 г.]. Записывай. Уилл, Сэм, Чарли, Бо, Пит, Генри, Ральф. Да, и еще ты, Том.

- На кой нам этот список, Дуг?

- Каждому будет дано особое поручение. Время не ждет. Первым делом следует решить, сколько у нас будет капитанов и сколько лейтенантов. Генерал - один. Это я.

- Правильно, Дуг. Всех надо занять делом.

- Первые трое по списку - капитаны. Следующие трое - лейтенанты. Остальные - разведчики.

- Разведчики, говоришь?

- По-моему, это самое лучшее звание. Ползаешь по-пластунски, ведешь слежку, потом являешься с донесением.

- Круто! Я тоже хочу в разведчики.

- Постой. Давай-ка всех произведем в капитаны и лейтенанты, чтобы не было раздоров, а то проиграем войну, не успев начать. Просто некоторые будут заодно ходить в разведку.

- Отлично, Дуг, вот, готово.

Дуг пробежал глазами список.

- Теперь нужно определить первоочередные задачи.

- Пусть разведчики добудут сведения.

- Решено, Том. Будешь командиром разведчиков. После вечерней поверки в овраге...

Заслышав эти слова, Том сурово покачал головой.

- В чем дело?

– Слышь, Дуг, можно, конечно, и в овраге, но я знаю местечко получше. Кладбище. Чтоб каждый помнил, куда попадет, если будет хлопать ушами.

– Неплохо придумано, Том.

– Так вот. Я пойду в разведку и оповещу наших. Сбор у моста, затем передислокация на кладбище, так?

– Молодчина, Том.

– Всегда был таким, – сказал Том. – Всегда был таким.

Убрав карандаш в карман куртки и спрятав пятипенсовый блокнот за пояс комбинезона, он отдал честь командиру.

– Разойдись!

И Том убежал.

Глава 10

На всем зеленом пространстве старого кладбища теснились надгробные камни, а на камнях читались имена. Не только имена людей, погребенных под травой и цветами, но еще имена времен года. Весенний дождь начертал здесь тихие, невидимые письма. Летнее солнце отбелило гранит. Осенний ветер смягчил очертания букв. А снег отпечатал свою холодную ладонь на зимнем мраморе. Но сейчас, среди дрожащих теней, времена года только и могли, что бесстрастно выкликать послания имен: «ТАЙСОН!» «БОУМЕН!» «СТИВЕНС!»

Дуглас перепрыгнул через «ТАЙСОНА», поплясал на «БОУМЕНЕ», покружил вокруг «СТИВЕНСА».

На кладбище было прохладно от старых смертей и еще от старых камней, что появились на свет в горах далекой Италии, откуда были доставлены по морю и

возложены на этот зеленеющий подземный город, под небом, чересчур ярким в летние месяцы и чересчур тоскливым – в зимние.

Дуглас осмотрелся. Вся территория кишела древними страхами и проклятиями. Его окружала Великая армия, а он смотрел, не запутались ли, часом, в кронах высоких тополей и вязов перепончатые крылья, поднятые вверх могучими воздушными потоками. Виделось ли его солдатам то же самое? Было ли им слышно, как осенние каштаны по-кошачьи мягко прыгают с веток на жирную землю? Правда, сейчас все вокруг притихло в заповедных голубых сумерках, которые блесками света поместили на могильных плитах те места, куда некогда опускались едва появившиеся на свет желтые бабочки, чтобы набраться сил и обсушить крылышки.

По приказу Дугласа внезапно оробевшие вояки продвинулись вглубь тишины и завязали ему глаза платком-банданой; на лице остался только рот, улыбающийся сам себе.

Наткнувшись на ближайшее высокое надгробие, Дуг обхватил его руками, пробежал пальцами по камню, будто по струнам арфы, и зашептал:

– «Джонатан Силкс. Тысяча девятьсот двадцатый. Пулевое ранение». Идем дальше: «Уилл Колби. Тысяча девятьсот двадцать первый. Грипп».

Он слепо блуждал из стороны в сторону и нащупывал высеченные глубоко в камне позеленевшие, замшелые имена, и дождливые годы, и старинные игры, родом из забытых Дней поминовения, когда его тетки поливали слезами траву и шуршали словами, как деревья в бурю.

Дуг назвал тысячу имен, опознал десять тысяч могильных цветов, десять миллионов раз сверкнул острым заступом.

– Воспаление легких, подагра, чахотка, заворот кишок. Такая у них была подготовка, – сказал Дуг. – Тренировались перед смертью. А ведь это дурацкое занятие – лежать в земле, сложа руки, согласны?

– Послушай-ка, Дуг, – смущенно выговорил Чарли. – Мы сюда пришли армию сколотить, а теперь мертвякам кости перемываем. До Рождества еще миллиард лет пройдет. Времени – вагон, что хочешь, то и делай, но не помирать же! Я,

например, сегодня утром проснулся и говорю себе: Чарли, до чего же классно – жить! Живи да радуйся!

– Ты, Чарли, рассуждаешь, как тебя всю жизнь учили!

– Я что, морщинами пошел? Желтый стал, как собаками обгаженный? Может, мне уже не четырнадцать лет, а пятнадцать или двадцать? Ну, говори!

– Ты все испортишь, Чарли!

– Да мне побоку. – Чарли расплылся в улыбке. – Конечно, все люди умирают, но когда придет моя очередь, я скажу: нет уж, спасибо. Вот ты, Бо, собираешься помирать? А ты, Пит?

– Еще чего!

– И я не собираюсь!

– Усек? – Чарли повернулся лицом к Дугу. – Пусть мухи дохнут, а мы не хотим. До поры до времени заляжем в тени, как гончие псы. Не кипятись, Дуг.

Засунутые в карманы руки Дугласа, сгребая пыль, оловянные биты и кусочек мела, сжались в кулаки. В любую минуту Чарли мог сдернуть, а за ним и вся банда, как тьявкаящая собачья свора, умчится куда глаза глядят сквозь темнеющие заросли дикого винограда и даже букашки не прихлопнет.

Недолго думая он принялся выводить мелом имена на могильных плитах: ЧАРЛИ, ТОМ, ПИТ, БО, УИЛЛ, СЭМ, ГЕНРИ, РАЛЬФ, а потом отошел в сторонку, чтобы каждый мог найти себя на мраморной поверхности, в осыпающейся меловой пыли, под ветвями, сквозь которые летело время.

Мальчишки остолбенели; не говоря ни слова, они долго-долго разглядывали непрошенные меловые штрихи на холодном камне. Наконец послышались робкие шепотки.

– Ни за что не умру! – заплакал Уилл. – Я буду драться!

– Скелеты не дерутся, – возразил Дуглас.

– Без тебя знаю! – Заливаясь слезами, Уилл бросился к надгробию и начал стирать мел.

Остальные не шевельнулись.

– Конечно, – заговорил Дуглас, – в школе нам будут твердить: вот здесь у вас сердце, с ним может случиться инфаркт! Будут трендеть про всякие вирусы, которых даже увидеть нельзя! Будут командовать: прыгни с крыши, или зарежь человека, или ложись и умирай.

– Нет уж, – выдохнул Сэм.

Уходящее солнце теребило слабыми пальцами последних лучей необъятный кладбищенский луг. В воздухе уже мельтешили ночные бабочки, а журчание кладбищенского ручья рождало лунно-холодные мысли и вздохи; тут Дуглас вполголоса закончил:

– Ясное дело, кому охота лежать в земле, где и жестянки не пнуть? Вам это нужно?

– Скажешь тоже, Дуг...

– Вот и давайте бороться! Мы же видим, чего от нас хотят взрослые: расти, учиться врать, мошенничать, воровать. Война? Отлично! Убийство? Здорово! Нам никогда не будет так классно, как сейчас. Вырастешь – станешь грабителем и поймаешь пулю, или еще того хуже: заставят тебя ходить в пиджаке, при галстукке, да и сунут за решетку Первого национального банка! У нас один выход – остановиться! Не выходить из этого возраста. Расти? Не больно хотелось! Вырастешь – надо жениться, чтобы тебе каждый день скандалы закатывали! Так что?: сопротивляемся или нет? Готовы слушать, если я вам расскажу, как от этого спастись?

– А то! – сказал Чарли. – Валяй!

– Итак, – начал Дуг, – прикажите своему организму: кости, чтобы ни дюйма больше! Замрите! И вот еще что. Хозяин этого кладбища – Квотермейн. Ему только на руку, если мы здесь ляжем в землю – и ты, и ты, и ты! Но мы его достанем. И всех прочих стариканов, которые заправляют у нас в городе! До Хэллоуина осталось всего ничего, но мы и ждать не будем: покажем им, где раки зимуют! Хотите стать как они? А знаете, как они такими стали? Ведь все до единого были молодыми, но лет этак в тридцать, или в сорок, или в пятьдесят начали жевать табак, а от этого пропитались слизью и не успели оглянуться, как эта слизь, клейкая, тягучая, стала выходить наружу харкотинной, обволокла их с головы до ног – сами знаете, видели, во что они превратились: точь-в-точь гусеницы в коконах, кожа задубела, молодые парни превратились в старичье, им самим уже не выбраться из этой коросты, точно говорю. Старики все на одно лицо. Вот и получается: коптит небо такой старый хрен, а внутри у него томится молодой парень. Может, конечно, кожа вскорости растрескается, и старик выпустит молодого на волю. Но тот уже никогда не станет по-настоящему молодым: получится из него этакая бабочка «мертвая голова»; хотя, если пораскинуть мозгами, старики молодых не отпустят, так что молодым никогда не выйти из липкого кокона, только и будут всю жизнь на что-то надеяться. Дело дрянь, согласны? Хуже некуда.

– А ты откуда знаешь, Дуг? – спросил Том.

– Во-во, – подхватил Пит. – Сам-то понял, чего сказал?

– Пит просто хочет знать наверняка, чтоб без обмана, – уточнил Бо.

– Объясняю еще раз, – сказал Дуг. – Слушайте ухом, а не брюхом. Записываешь, Том?

– А как же. – Том занес карандаш над блокнотом. – Поехали.

В сгущающейся мгле, среди запаха травы, и листьев, и увядших роз, и холодного камня, слушатели вскинули головы, пошмыгали носами и утерли щеки рукавами.

– Так вот, – сказал Дуг. – Повторяю. Глазеть на эти могилы – бесполезняк. Нужно подслушивать под открытыми окнами, чтобы узнать, чего эти старперы боятся больше всего. Том, ты притащишь тыквы из бабушкиной кладовки. Устроим соревнование: кто вырежет самую страшную рожу. Одна тыква должна

смахивать на старика Квотермейна, другая – на Блика, третья – на Грея. Зажгите внутри по свечке и выставьте на улицу. Прямо сегодня ночью и провернем нашу первую операцию с тыквами. Вопросы есть?

– Вопросов нет! – дружно прокричали все.

Они перемахнули через «УАЙТА», «УИЛЬЯМСА» и «НЕББА», устроили опорные прыжки через «СЭМЮЕЛСА» и «КЕЛЛЕРА», со скрипом распахнули кованую калитку и оставили позади сырой дерн, заплутавшие лучи солнца и неиссякаемый ручей под горкой. Следом увязалась туча серых мотыльков, но у калитки они отстали, а Том вдруг помедлил, смерив брата осуждающим взглядом.

– Дуг, что ты там наплел про эти тыквы? У тебя мозги набекрень, честное слово!

– Разговорчики! – Дуг остановился, развернувшись к нему лицом, хотя все остальные мчались что есть духу от этого места.

– Может, хватит? Гляди, что ты наделал. Сгоношил ребят, а теперь запугиваешь. От таких речей вся армия разбежится. Надо сплотить наши ряды. Каждому дать задание, иначе все разбредутся по домам и больше не выйдут, а то и вовсе спать завалятся. Придумай что-нибудь, Дуг. Без этого нельзя.

Подбоченясь, Дуг в упор смотрел на Тома:

– Выходит, ты у нас теперь генерал, а я – последний рядовой?

– О чем ты, Дуг?

– Мне уже почти четырнадцать, а тебе – еле-еле двенадцать, но ты мной командуешь, будто сто лет прожил, да еще поучаешь. Неужели у нас все так паршиво?

– Паршиво, говоришь? Да у нас все прахом пошло. Смотри, как ребята драпают. Догоняй-ка и придумай что-нибудь дельное, пока бежишь до главной площади. Армию надо обновить. Дай нам толковое задание, а то придумал, надо же: тыквы резать! Шевели мозгами, Дуг, соображай!

– Соображаю. – Дуглас закрыл глаза.

– Ну, тогда вперед! Беги, Дуг. Я за тобой.

И Дуг сорвался с места.

Глава 11

На городской окраине, неподалеку от школы, была дешевая кондитерская, где в соблазнительных ловушках прятались отравленные сладкие приманки.

Дуг остановился, пригляделся, подождал Тома и крикнул:

– Сюда, ребята! Заходим!

Мальчишки так и замерли – ведь он добавил название лавчонки, поистине волшебный звук.

Но по знаку Дуга все подтянулись к дверям и стали входить по одному, выстроившись в затылок, как и подобает обученной армии.

Последним зашел Том, заговорщически улыбнувшись Дугу.

Там был мед в сотах из теплого африканского шоколада. В янтарных сокровищницах застыли бразильские орехи нового урожая, миндаль и глазированные снежные гроздья кокосовой стружки. Темные сахарные слитки вобрали в себя июньское масло и августовскую пшеницу. Все это было завернуто в серебристую фольгу, а сверху замаскировано красными и синими обертками, на которых указывался только вес, состав и производитель. Яркими букетиками пестрели конфетные россыпи: карамель, чтобы склеивались зубы, лакрица, чтобы чернело сердце, жевательные бутылочки с тошнотворным ментолом и земляничным сиропом, трубочки «тутси» в форме сигар и мятно-сахарные сигареты с красными кончиками – на случай холодного утра, когда дыхание клубится в воздухе.

Стоя посреди лавки, ребята глазели на яства, что жуются с хрустом, и фантастические напитки, что проглатываются залпом. В голубовато-ледяной, колючей воде холодильного шкафа плыли, как по течению Нила, бутылки с шипучкой цвета спелой хурмы. Над ними, на стеклянных полках, штабелями виселись имбирное, миндальное и шоколадное печенье, полукруглые вафли и зефир в шоколаде, белый сюрприз под черной маской. И все это – специально, чтобы обложило язык и прилипло к нёбу.

Дуг вытащил из кармана несколько монеток и кивнул приятелям.

Один за другим, прижав носы к стеклу и затуманивая дыханием хрустальный шкаф, они стали выбирать сладкие сокровища.

Прошло совсем немного времени – и все уже мчались по проезжей части к оврагу, унося с собой лимонад и сладости.

Когда армия была в сборе, Дуг опять кивнул, дав знак спускаться по склону. С противоположной стороны, на высоком берегу оврага маячили стариковские дома, омрачающие солнечный день угрюмыми тенями. А еще выше – Дуг приложил ладонь козырьком и вгляделся повнимательнее – громадой выделялся дом с привидениями.

– Я вас не зря сюда привел, – сказал Дуг.

Том ему подмигнул и щелчком откупорил бутылку.

– Будем тренировать волю, чтобы стать настоящими бойцами. Показываю, – отчеканил он, вытягивая руку с лимонадной бутылкой. – Ничему не удивляйтесь. Выливаем!

– Вообще уже! – Чарли Вудмен постучал себя по лбу. – Это ж у тебя крем-сода, Дуг, вкуснотища! А у меня – апельсиновый краш!

Дуг перевернул свою бутылку вверх дном. Крем-сода с шипением влилась в прозрачный ручей, который стремительно понес ее в озеро. Мальчишки остолбенели при виде этого действия.

– Хочешь, чтобы из тебя испариной выходил апельсиновый краш? – Дуглас выхватил у Чарли бутылку. – Хочешь, чтобы у тебя плевки были из крем-сода, хочешь пропитаться отравой, от которой никогда не очиститься? Когда вырастешь, назад уже не вращешь, воздух из себя иголкой не выпустишь.

Страдальцы мрачно опрокинули бутылки.

– Пусть раки травятся. – Чарли Вудмен швырнул бутылку о камень.

Остальные последовали его примеру, как немцы после тоста; стекло брызнуло сверкающими осколками.

Потом они развернули подтаявшие шоколадки, марципаны и миндальные пирожные. Все облизнулись, у всех потекли слюнки. Но глаза были устремлены на генерала.

– Торжественно клянусь: отныне – никаких сладостей, никакого лимонада, никакой отравы.

Дуглас пустил по воде шоколадный батончик, как покойника на морских похоронах.

Бойцам не было позволено даже облизать пальцы.

Прямо над оврагом им встретила девчонка, которая ела мороженое – сливочный рожок. От такого зрелища языки высунулись сами собой. Девчонка слизнула холодный завиток. Бойцы зажмурились. А ей хоть бы что – уплетала себе рожок да еще улыбалась. На полудюжине лбов проступил пот. Лизни она еще хоть раз, высунься из девчоночьего рта этот аккуратный розовый язычок, коснись он холодного сливочного пломбира – и мятеж в рядах армии был бы неминуем. Набрав полную грудь воздуха, Дуглас гаркнул:

– Брысь!

Девчонка отпрянула и пустилась наутек.

Выждав, пока не улеглись страсти по мороженому, Дуглас негромко произнес:

– У моей бабушки всегда наготове вода со льдом. Шагом марш!

II. Шайло и далее

Глава 12

[4 - Шайло – битва при Шайло произошла в апреле 1862 года.]

Келвин Си Квотермейн был таким же длинным и напыщенным, как его имя.

Он не ходил, а шествовал.

Не смотрел, а созерцал.

Не разговаривал, а выстреливал суждения, беспощадно поражая любую близкую мишень.

Он изрекал и вещал, никого никогда не хвалил и всех поливал презрением.

В данный момент он изучал микробов сквозь линзы своих очков в тонкой золотой оправе. Микробами, подлежащими уничтожению, были мальчишки. В особенности один.

– Велосипед, силы небесные, проклятый голубой велосипед. Больше там ничего не было!

Квотермейн даже зарычал, брыкнув здоровой ногой.

– Гаденыши! Брейлинга прикончили! А теперь за мной охотятся!

Дородная сестра милосердия удерживала его поперек живота, как деревянного индейца из табачной лавки, пока доктор Либер накладывал гипс.

- Господи! Какой же я болван! Ведь Брейлинг упомянул метроном. Боже мой!

- Полегче, у вас нога сломана!

- Велосипед ему не поможет! Меня и адской машиной не возьмешь, вот так-то!

Сестра милосердия сунула ему в рот таблетку.

- Все хорошо, мистер Си, все хорошо.

Глава 13

Ночь; лимоннокислый дом Келвина Си Квотермейна; хозяин, давно выписанный из больницы, лежит в собственной постели - а его молодость тем временем пробил панцирь, выскользнула между ребрами, покинула старческую оболочку и затрепетала на ветру.

Когда по воздуху пробегали шумы летней ночи, у Квотермейна резко дергалась голова. Прислушиваясь, он извергал ненависть:

- Господи, порази огнем этих вырожденков!

А сам думал, покрываясь холодной испариной: «Брейлинг отчаянно старался сделать их людьми, но потерпел поражение, зато я возьму верх. Боже, что ж там делается?»

Он поднял глаза туда, где наемники полыхнула огнестрельная вспышка, в одночасье взорвавшая их жизнь в конце одного запоздалого лета, соединившего в себе капризы погоды, слепоту небес и нежданное чудо - жить и дышать среди этого водоворота безумных событий. Боже милосердный! Кто командовал этим парадом и куда его вел? Будь бдителен, Господи! Барабанщики убивают

капитана.

- Должны же быть и другие вроде меня, - шептал он в сторону распахнутого окна. - Те, кому сейчас не дают покоя мысли об этих негодях!

Он явственно ощущал, как дрожат далекие тени - такие же насквозь проржавевшие железные старики, что прячутся в своих высоких башнях, чавкают жидкой кашей и ломают на кусочки сухие галеты. Надо бросить им клич, и его тревога зарницей пролетит по небу.

- Телефон, - выдохнул Квотермейн. - Давай, Келвин, собирай своих!

Из темного палисадника донеслись какие-то шорохи.

- Это еще что? - прошептал он.

Мальчишки сгрудились внизу, в темных глубинах травы. Дуг и Чарли, Уилл и Том, Бо, Генри, Сэм, Ральф и Пит - все присматривались к высокому окну Квотермейновой спальни.

У них были с собой три мастерски вырезанные, устрашающие тыквы. Не выпуская их из рук, мальчишки начали расхаживать по тротуару, а голоса взмывали вверх среди освещенных звездами деревьев, становясь все громче:

- Черви в череп заползают, черви череп проедают.

Скрюченные, веснушчато-пергаментные пальцы Квотермейна вцепились в телефонную трубку.

- Блик!

- Квотермейн? Тебе известно, который час?

- Погоди! Ты слышал, что случилось с Брейлингом?

- Так я и знал: когда-нибудь его застукают без часов.

- Сейчас не время острить!

- Да будь он неладен со своими хронометрами; они у него тикали на весь город. Уж коли висишь на краю могилы, так прыгай. И мальчишку с пугачом не впутывай. Что ж теперь прикажешь делать? Пугачи запрещать?

- Блик, ты мне нужен!

- Все мы друг другу нужны.

- Брейлинг был секретарем попечительского совета. А я - председатель! Наш треклятый город наводнен потенциальными убийцами.

- Квотермейн, любезнейший, - сухо произнес Блик, - ты мне напомнил анекдот про главного врача психиатрической лечебницы, который сетовал, что пациенты посходили с ума. Неужели ты не знал, что все мальчишки - паразиты?

- Таких надо наказывать!

- Жизнь накажет.

- Эти безбожники окружили мой дом и затянули похоронную песню!

- «Черви в череп заползают»? Я и сам в детстве обожал эту песенку. Ты-то помнишь себя десятилетним? Возьми да позвони их родителям.

- Этим недоумкам? В лучшем случае они скажут своим чадам: «Оставьте в покое вредного старикашку».

- Почему бы не принять закон, чтобы всем сразу стукнуло семьдесят девять? - По телефонным проводам побежала ухмылка Блика. - У меня самого два десятка племянников, которые на стенку лезут, когда я намекаю, что собираюсь жить вечно. Очнись, Кел. Мы ведь меньшинство, как чернокожие или вымершие хетты. Наша страна хороша для молодых. Единственное, что мы можем сделать, - дождаться, пока этим садистам исполнится девятнадцать, и тут же отправить их на войну. В чем их преступление? В том, что они лопаются от лимонада и весеннего дождя. Запасись терпением. Пройдет совсем немного времени - и они

будут ходить с инеем в волосах. Отомстить всегда успеешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Антиетам – город, при котором произошло известное сражение в сентябре 1862 г., когда северяне потеряли двенадцать тысяч солдат, а южане – более девяти тысяч и вынуждены были отступить за реку Потомак.

2

82 °F = 28 °C

3

Великая армия Республики – организация ветеранов-юнионистов, учреждена после окончания войны Севера и Юга в 1866 г.

Шайло – битва при Шайло произошла в апреле 1862 года.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/rey-bredberi/leto-proschay-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)